

Вот так и да вайны жыли. Я гаварю, в вайну Тани... у Тани атца убили ва Пскове. Ни капейки помашчи не была! А челавек он был мяханикам, самалёты ремантиравал. А вайна началась, никаких дакументаф, никакой помашчи не дали ейнай матери... Дакументаф нет – не дали. И я тянула их: мать старую и Таню с рябёнкам. Пахала, лашадёнка была плохинька... лашадёнка. И чатыре гяктара земли нада была напахать, пасеять. В магазине хлепча негде была купить в вайну...

А два брата была, немцы ф тюрьму забрали. И я на лашадёнке павязла этих как... мужчин ф Пячоры... зимой. На лашадёнке павязла на вагзал ф Пячоры. А с Наваселья в других-та ф сумках были взяты яда с сабой. Взяли с сабой, а два с Наваселья, Ногины фамилия, аттуда, с Наваселья, мяшок наложэн хлеба, можэ, ня знаю, я не глядела ничаво. Ну вот, лашадёнка на вагзале в мяня привязана, а мне жалка – два брата ня взяли яды с сабой. Их ф Тарту ф тюрьму вязли. Я этаму, как её, немец или эстонец был, гаварю: «Снясите эдат мяшок этим, где кричат, там два брата галонных у меня». Стукнул винтофкай па плячам, а я, а мне была што, вайна началась, пятнаццать лет – малоденькая, я упала и ня помню, сколька я ляжала. Ня помню... Вот ф пятнаццать лет вайна началась...

Праснулась я, лашадёнка стаит, ужэ вечэр, сонцэ закачываеца. Сколька я ляжала, не помню. Как меня ложэй стукнули. Мяшка нет этава. Думаю, хто унёс? Не знаю... И их увезли, ани крычали, как эти... в этих вагонах... Страшна! Так крычали... Мальцэф фсех, павезли мужыкоф. Связли ф Тарту ф тюрьму. Ф Тарту ф тюрьмы... вясна пришла... ф тюрьмы сидят ф Тарту... вайна.

Мяня Нюшка Махнова, эта сястра дваюранная, пяшком ф Тарту заставили итти, хлеп нясти. Как я устала, силы не была. Па псяят в день килóметраф ф Тарту, вот папробуй пяшком дайти. Три дня шли, и яду-та нада, есть с сабой. Яда-та мала... яды... итти столька. Вот мы бутылку нашли... с канавы вазьмём

вады – ва рту фсё засохла. Папъём, апяць идём, папъём – идём. Да Гарту с сястрой дваюраннай ишли. Идём, идём, и сонцэ не пускает начевать. Патом кул дароге немцы... Сястра дваюранная умела па-нямецки нямношка. Пустили немцы начевать. Так мы устали! Сил нет! А я гаварю: в мяня ноги забалели, я не магла... И сейчас зато баля ноги...

И вот абратна идём апяць. Аддали им ф тюрьму ета фсё, што была там: яички да хлеп, наски, варюшки. Вясной перят Пасхай. Тагда идём да Вы́ру, а там уласафцы. При немцах эти, как украинцы, власафцы были: «Ой, наши девачки! Ой, наши девачки!» Как нас взяли, мы так рады, да дому давязли. Мы ужэ ноги атвалились, устали. А тяперь брат ни письма не напишэт! И пришол ка мне в гости, дажэ ни кан... ни адной канфетины не дал.